

О жизни и о себе

Светлана Новоселова

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ (НЕЗАВЕРШЕННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ) *

Автобиография –
повесть о жизни
или отчет?

Я не любила писать казенные лаконичные автобиографии для различных приемных и аттестационных комиссий, отделов кадров и других административных нужд. Что может сказать о себе человек в казенной бумаге? Что можно узнать о человеке из этого формального листка? Иногда хотелось написать что-то дополнительно, но это ведь было не принято!

Помню, когда впервые прочла автобиографию Надежды Николаевны Ладыгиной-Котс, меня удивили стиль и жанр этого произведения. Это была повесть, написанная ученым о своей деятельности и своем ближайшем родственном и научном окружении, об основных этапах исследований, публикациях. Текст спокойный, полный достоинства, уверенности, но вместе с тем мягкий, одухотворенный.

Помню автобиографию и своего другого научного наставника – Алексея Николаевича Леонтьева – тоже немного и как-то осторожно о семье, подробнее о своей деятельности, научной концепции, этапах ее воплощения. Похоже на взвешенный, продуманный отчет. Безусловное достоинство и понимание своей научной силы, но осторожность и еще раз осторожность – так почувствовала я этот текст. Жизнь и творчество этого выдающегося ученого никак не вместить в его лаконичную автобиографию.

Автобиография
в память об учителе

Что могу написать о себе я? Начну я эту автобиографию впервые (а мне, увы, в этом – 2003 – году исполнилось семьдесят лет) не для казенных целей, а по просьбе Людмилы Игоревны Панковой, инициатора

* Журнал печатает фрагменты автобиографических воспоминаний известного психолога С.Л. Новоселовой, к написанию которых она приступила в 2003 году, но так и не успела их завершить, скончавшись 30 августа 2005 года.

книги о научной школе Н.Н. Ладыгиной-Котс, уроженки г. Пензы, где чтят ее память. В первый момент я, получив это предложение, попыталась отказаться, думая, что это не так уж интересно для широкой публики, главное – она, а ее ученики – производное от нее. Затем по годичному размышлению над сделанным мне предложением я решила принять его. Тем более, что эта автобиография предназначается для книги, которая должна раскрыть для читателя сущность научной школы Н.Н. Ладыгиной-Котс. Понятно, что я должна была согласиться, входя в круг последователей и, по-видимому, продолжателей этой школы. На первый взгляд, по крайней мере, если судить по численности непосредственных учеников Н.Н. Ладыгиной-Котс, это небольшая школа, но научный генезис, содержательные связи с другими областями науки и резонанс полученных школой научных фактов, теоретических достижений и провозглашенных ею перспективных идей делает школу весомой в истории отечественной науки и зарубежной науки. Конечно, главная фигура в этом научном содружестве – его основательница, Надежда Николаевна Ладыгина-Котс, ученый с мировым именем, заложившая основу эволюционной психологии, которую она строила, опираясь в свою очередь на великие идеи Чарльза Дарвина. Она опиралась на научную школу Дарвиновского музея в Москве, основательницей которой она вместе с его создателем и своим мужем профессором Александром Федоровичем Котсом является, представляя и в таком качестве благодарным потомкам. Школа Дарвиновского музея восходит также своими корнями и смелыми эволюционными идеями к Московскому государственному университету (250-летие с момента его основания будет отмечаться в 2005 году). А.Ф. Котс – его выпускник, ученик ряда профессоров из блистательного ряда русских биологов дарвинистов XIX–XX веков.

Школа Дарвиновского музея

Помню, что когда в середине восьмидесятых годов я поняла, что, следуя логике своих исследований интеллекта и его развития в деятельности ребенка, обязана добиться создания лаборатории психолого-педагогических проблем игры и предприняла попытки ее основания, то встретила достаточно сильное конкурентное противодействие со стороны некоторых уважаемых мною ныне коллег. Одна из видных ученых со стороны (Н.И. Непомнящая), которая всегда относилась ко мне достаточно хорошо, позвонила в этот момент и сказала: «Света, ты в первую очередь ученый, не трать себя на борьбу за лабораторию игры. Учти, что за твоей спиной лишь школа Дарвиновского му-

зая, а за твоей конкуренткой – школа Министерства просвещения РСФСР – силы не равные». Должна сказать, что в советские и в нынешние времена я, не принимая в расчет закулисных характеристик, всегда с уважением относилась к этим государственным учреждениям и к людям, работающим в них, но я ответила своей доброжелательнице искренне и даже с некоторым ликованием: «Что же ты такое говоришь? Ведь очевидно – школа Дарвиновского музея посильнее будет. Я совершенно спокойна и рада, что именно из этой школы я вышла. Думаю, лабораторию игры вполне удастся осилить». Так и получилось. Впрочем, меня поняли и мне помогли те мои товарищи по работе, с которыми и сейчас мы вместе. Лаборатория существует с 1988 года.

Интерес к эволюции
естественного мира

Принадлежность к такой школе, как школа Дарвиновского музея, требует от человека специфической увлеченности своим предметом, мотивации деятельности всей жизни, как и у основателей школы.

С уверенностью могу сказать, что такая прочная мотивация у меня была. Когда же сложился этот интерес к эволюции естественного мира?

Определенно могу сказать, что задолго до моего знакомства с Н.Н. Ладыгиной-Котс и Дарвиновским музеем, хотя именно это знакомство определило его содержание окончательно. Именно поэтому я должна обратиться к памяти тех, кто приобщил меня к естественной истории с детства.

Культурные
традиции семьи

Я родилась в семье, имевшей давние культурные традиции. Моя мама Зоя Вячеславовна Маргаритова была старшей из троих детей, родившихся в браке между Вячеславом Гавриловичем Маргаритовым и Анной Дмитриевной Маргаритовой (в девичестве Григорьевой). Мой дед В.Г. Маргаритов был из священнической казачьей донской семьи. Сам он был образованным человеком, получившим образование в Гренобле (Франция), где он и его будущая избранница А.Д. Григорьева учились, постигая изящную французскую словесность в Университете этого известного города. Позже и он, и его жена (моя бабушка) преподавали французский язык в России: он в Вольском и Иркутском кадетских корпусах, получив впоследствии штатский чин, эквивалентный званию полковника, она – в гимназии.

Замечу, что бабушка была из немногих русских женщин, имевших уже до революции высшее образование и желание быть независимой. Именно это, а также ее неукротимый, отчасти польский нрав и несо-

мненно яркое чувство патриотизма привели к тому, что она, будучи политически почти нейтральной, предпочла остаться одна с тремя детьми в революционной России (один из них, Дима, умер от голода и тифа в шестилетнем возрасте, другой, Женя, испил невинно всю чашу горечи тридцать седьмых – сороковых и начала пятидесятых годов, будучи осужден и выслан еще студентом на Колыму по статье «за недоносительство», а третья, моя мама, замечательно красивая и энергичная женщина стала (как и мой отец, ее муж) геодезистом (она умерла в 1996 году, дожив почти до 86 лет).

Детство на Дону

Еще до революции другом моего деда и молчаливым поклонником моей бабушки стал Федор Иванович Бочаров, такой же как и они гимназический учитель, но естественник и математик. Он взял на себя долг помощи женщине, оставшейся с тремя детьми в страшное время гражданской войны на Дону, и был им всем опорой. Моя бабушка позже стала Анной Дмитриевной Бочаровой, а мне судьба подарила замечательного деда, которому, как и бабушке, я обязана счастливым и содержательным детством почти на лоне природы в городе Каменске (когда-то это была атаманская станица Каменской области Войска Донского, а уже ко времени моего рождения, 4 февраля 1933 года город стал Каменском-Шахтинским Ростовской-на-Дону области).

Именно в этом городе осели в начале 1920-х годов мои дедушка и бабушка, купив небольшой, но очень хороший дом, сложенный еще в начале XIX века из толстенных буковых бревен. Этот дом и сейчас стоит – пошло третье столетие его жизни. Дом выходил фасадом на улицу, а сад (семнадцать соток) тянулся вниз к Донцу, не доходя 200 метров до его берега.

Раскрывая тексты природы

Весь сад был обнесен не слишком высокой стеной из песчаника, как это принято в тех краях. Во время весеннего половодья, когда вода отступала, в конце сада плескались заплывшие туда щуки и другая рыба. На сырой земле в лучах после ушедшего паводка размножались лягушки-жерлянки, обладательницы оранжевого брюшка, в заросшем травой и терновником углу сада ухала залетная выпь, иногда там гнездились вальдшнепы. В саду на кучах старых ветвей грелись сероватые (как и в Подмосковье) ящерицы, а иногда и более крупные – зеленые. На прогретой компостной куче грелись полчища ярко-красных «солдатики» – к стыду своему не помню, кто они были – садовые тараканы или жучки? Мне нравилось их оберегать от воображаемых врагов и наблюдать за ними. Во дворе не переводились собаки, жил всегда ка-

кой-нибудь кот, предпочтительно рыжий. Иногда бывали и козы, куры, индейки, утки, обычные и пекинские – белые. С одной стороны, их присутствие было необходимо для выживания учительской семьи, а с другой – они фактически составляли нам дружескую компанию и были постоянными активным или пассивными участниками моих игр, поводом для наблюдений, обсуждения форм их общения, индивидуальных и видовых особенностей. Интересны были и пчелы – около десятка ульев, которыми дед и бабушка занимались вместе. Мед спас нас от голода в момент, когда другой еды не было. Они не чурались никакого труда, но их труд в саду и с животными не доводил их до потери интеллигентности в облике, речи, манерах. Я же принимала во всем участие «как хвостик», говорили они. Труд, как я понимаю теперь, не был для них легким, но он не изнурял, а привлекал не столько утилитарным своим результатом, сколько своей содержательностью. Конечно, им было трудно, но своего достоинства они не теряли.

Исключительно долго жил предпоследний пес Каштан, приبلудившийся к нам, когда мне было три года, переживший вместе с нами войну и умерший, когда я была уже студенткой. Этот Каштан был предан нам бесконечно, а мы любили его.

Все эти животные, окружавший меня сад, донские кряжи и степи, старинный дом, энциклопедические словари, современные и старые журналы, книги художественные, книги по искусству, книги научные по различным отраслям знаний – все это не было внешней стороной моей жизни от рождения и до четырнадцати лет, когда мне пришлось по воле моей мамы переехать в Москву. Это был мой внутренний мир, созданный во мне моим дедом, неустанно раскрывавшим мне эти тексты природы.

Мой дед

Мой дед, Федор Иванович Бочаров, родившийся в 1881 году, родом из казаков Преображенской станицы на Верхнем Дону. В 1908 году он окончил отделение естественных наук Императорского Харьковского университета. Занимался палеонтологией и географией под руководством проф. Краснова. С 1908 года стал преподавателем географии, физики и математики в гимназии г. Обояни, а позднее – в Екатерининском учительском институте г. Тамбова. Путешествовал по России, был в конном походе по Горному Алтаю. Бывал за границей в составе групп движения «Русские учителя за границей»: посетил Англию, Италию, Германию, участвовал в познавательном-туристическом переходе через Альпы в Швейцарии. После революции

также учительствовал – преподавал математику и методику ее преподавания в педагогическом училище г. Каменска Ростовской-на-Дону области. По складу своих научных интересов он был естествоиспытателем, натуралистом; человеком разносторонней, почти энциклопедической образованности. Он превосходно рисовал, фотографировал, любил охоту и рыбную ловлю. Умер сравнительно рано – в 68 лет, уже в послевоенные годы. Ф.И. Бочаров был известным человеком среди донского учительства.

Источник
нравственных
идеалов

Своим интересом к естественной истории я всецело обязана деду. Помню, уже с трех-четырех лет и тем более в школьные годы все свое свободное время дед отдавал мне, рассказывая, читая вместе со мной, совершая бесконечные экскурсии в степи Донецкого края, по Донцу на лодке. Наш сад был источником интереснейших вечерних бесед о его обитателях – насекомых, птицах, ящерицах, лягушках; о растениях, об ароматах цветов. На садовой скамейке, где мы часто сидели вечерами с дедом и моей бабушкой, Анной Дмитриевной Бочаровой (по первому мужу, моему деду по крови, Маргаритовой, а в девичестве – Григорьевой), я слушала увлекательные лекции по астрономии и космогонии, узнавала имена великих ученых, смотрела в полевой бинокль на звезды, созвездия и луну. Я очень любила своих деда и бабушку. Нравственные идеалы жизни я получила от них обоих.

Переезд в Москву

Меня привезли в Москву в 1947 году в конце лета. Мы жили на пятом этаже (последние два были надстроены) дома № 13 по улице Чайковского (Новинский бульвар Садового кольца) в глубине двора. Из окна нашей комнаты открывался великолепный вид на запущенную церковь, Шмидтовский парк, старую краснопресненскую женскую тюрьму (ныне там бывшее здание СЭВ – сейчас одно из зданий мэрии Москвы), Москва-реку, место за рекой, где через некоторое время выросла гостиница «Украина».

На Садовом кольце налево, если выйти из ворот нашего двора, был и сейчас стоит старинный домик с мезонином. Помню, что в разные времена он менял немного свое облик. Сначала в первом этаже продавали распивочно и на вынос молдавские вина. Позже винный магазин закрыли и на доме появилась мемориальная доска, сообщавшая, что в нем некогда жил А.С. Грибоедов. Сейчас, в наши дни, дом хорошо отремонтирован, но памятная доска исчезла. Далее шел путь в сторону Шереметьевских домов (говорят в одном из них жил одно время Ф.И. Шаляпин), далее –

площадь Восстания (Кудринская – раньше и сейчас). Направо от ворот серый скучный многоэтажный дом, а следующий за ним великолепный образец архитектурного изыска, получивший первое место на конкурсе фасадов московских зданий, кажется, в начале XX века. Я была в этом доме в квартире школьной подруги: семьи ютились в огромных высоких пеналах, перегороденных на комнаты залов или на вторых этажах (моя знакомая жила именно на таком ярусе) сооруженных студий с очень высокими потолками. Далее – Смоленская площадь, прямо, в глубине противоположного нам наискосок квартала между улицей Воровского (Поварской) и Арбатом, который теперь стал Старым – Собачья площадка, утраченная ныне и памятная мне по нескольким эпизодам моей школьной жизни. А дальше по Большой Никитской (при мне – улице Герцена) – звезда моих мечтания – Московский университет на Моховой. Собственно ради него меня и привезли в восьмой класс в Москву.

Должна заниматься наукой

Это было решено еще в конце 1930-х годов и подтверждено в сороковых, когда в 12–14 лет я беззаветно увлеклась географией и немного ботаникой, а также минералогией и палеонтологией. Еще раньше, когда мне было шесть лет, кто-то из знакомых деду учителей спросил меня: кем ты хочешь стать, Светочка? Я, не задумываясь, ответила – профессором географии! Слегка смутила этим своих, но все равно меня похвалили и я получила первое смутное представление, что должна заняться наукой. Это и было толчком к периодическим разговорам о Московском университете, которые вел со мною дед. Сам он, как я уже писала окончил Харьковский, но мои интересы уже совпадали с его. Он (ученик профессора А.Н. Краснова) много рассказывал мне о палеонтологии и происхождении нынешнего животного мира, когда мы находили в меловых отложениях Донецкого кряжа и на песчаных отмелях Донца аммонитов и белемнитов, отпечатки раковин, кажется, в слоистом песчанике, а также отпечатки на них животных фрагментов, древесных веток и листьев типа папоротника на плоских осколках антрацита, которым топили печь.

Чувство причастности к эволюционным процессам

Трудно забыть потрясение, испытанное мною, когда дед снял с полки несколько костей мамонта и показал их мне. Это были, как видно, сахарные кости, близкие коленным или бедренным суставам. Много позже уже в конце 1940-х годов деду удалось получить от кого-то еще одну кость, найденную километром за восемь по направлению к северу-востоку от Донца на

Донском кряже. Это было необыкновенное чувство причастности собственной жизни к древнейшим существам, жившим там же, где и я.

Именно поэтому я пишу, что мотивы моей жизнедеятельности зародились благодаря деду еще в Каменске, когда мне было от пяти до четырнадцати лет.

Школьные учителя

Не могу не вспомнить и своих школьных учителей. Моя первая учительница – Софья Ивановна – была, по-видимому, добрым и умным человеком, который воспитывал, поддерживал детскую инициативу, не ограничивая ее формально, но сдерживая ее чересчур рискованные проявления. Она вполне определенно любила детей. Вторая – Клавдия Ивановна Серова – преподавала у нас географию. Внешне суровая дама была нашей душой. Она великолепно преподавала свой предмет, ее уроки завораживали. Мы постоянно ходили в походы, чертили планы оврагов, делали топографические карты своих маршрутов и, главное, коллективно участвовали в игре «Клуб замечательных капитанов». Может быть, кто-то помнит? «В шорохе мышинном, в скрипе половиц, медленно и чинноходим, шелестят кафтаны... все мы капитаны, каждый знаменит ...». Это были позывные для наших подростковых душ, замирало сердце.

Внеучебные интересы и учебные неудачи

Первое, что я сделала, когда поступила в московскую школу, это попросилась в географический кружок, но его в школе почти не было. Преподаватель географии, пожилой интеллигентный человек (не помню, к сожалению, его имени, но уверена, что он из той же среды, что и мои дед и бабушка), посоветовал пойти на географический или геологический факультет МГУ и записаться в школьный кружок там. Я немедленно отправилась на Моховую и узнала, что в этот момент шла запись в минералогический кружок факультета, который помещался (волею судеб!) в том же здании, где сейчас факультет психологии – моя альма-матер. Увы, меня ждало горькое разочарование уже в конце первой четверти: сказали, чтобы мы принесли показать школьные дневники, так как с тройками ходить в кружок почему-то нельзя. Кое-как протянула я, не показывая дневник до ноября, но потом пришлось исчезнуть: у меня появились не только тройки, но и двойки, причем отнюдь не эпизодически и даже как четвертные. Пять баллов было только по географии. Маму вызвали в школу и предложили меня перевести в ремесленное училище. Она отказалась. Возникло ли у меня в связи со школьными «успехами» и непрерывными порицаниями чувство неполноценности? Отнюдь нет.

Единственно, что было неприятно, так это недоступность минералогического кружка. Была ли у меня ожесточенность? Нет и еще раз нет. Как ни странно, я веселилась совершенно детской веселостью и мои оценки как будто были не мои.

Спасительность
чувства юмора

Я стала ходить в МГУ на лекции для школьников, в Политехнический музей, в художественные музеи, научные. Излюбленным занятием моим и моей подруги (мы дружны и сейчас, она известный психолог в области эргономики) было также и хождение по улицам Москвы. Мы обе почти непрерывно смеялись, продолжив это замечательное настроение и поступив в МГУ. Чувство юмора спасало всю жизнь.

Начало интереса
к психологии

Школьные годы окончательно определили мою научную мотивацию и судьбу. В девятом классе у нас ввели новый предмет – психологию в ее классической форме. Нам дали учебник, написанный А.В. Запорожцем, и учителя психологии, аспиранта из Психологического института, того самого, что был основан Г.В. Челпановым, а выстроен и оснащен на деньги просвещенного мецената С.И. Щукина, – сейчас это известно всем, но в конце сороковых годов я узнала это от нашей преподавательницы – Елены Михайловны Кудрявцевой. От нее я узнала, что она была в ту пору супругой профессора Ивана Михайловича Соловьева – известного психолога и мягкого прекрасного человека. Елена Михайловна увидела в нас (я говорю о себе и Милочке) то, что школа не замечала: нашу исключительную любознательность в области естественных наук. Она высоко оценила наши сочинения по психологии. Помнится, я писала о внимании и она заметила в моем разрисованном красочными схемами произведении нечто неординарное, по ее словам. В середине третьей четверти девятого класса она рекомендовала меня с Милой и еще одну девочку – восьмиклассницу из другой школы – Леру Мухину – Надежде Николаевне Ладыгиной-Котс, руководившей в Дарвиновском музее немногочисленным кружком школьников, студентов и взрослых специалистов, интересовавшихся поведением животных и происхождением психики. Ее помощницей в работе с нами – младшими – была Наталья Федоровна Левыкина – наш общий друг до самой ее кончины... Она была фактически ассистентом Н.Н. Ладыгиной-Котс, почти членом ее семьи и научным сотрудником Дарвиновского музея.

Занятия в
Дарвиновском
музее

Никто не стал спрашивать у нас наших неказистых дневников. Мы ходили регулярно на заседания кружка, слушали лекции самого Александра Федоровича

Котса, которые он читал в залах музея на Малой Пироговской школьникам, студентам, лицам, интересовавшимся дарвинизмом. Он необычайно гордился тем, что на его лекции однажды прибыли слушатели – красноармейцы в конном строю. Его лекции были великолепны и оставляли в душе ощущение восторга не только перед лицом раскрывавшейся в происхождении видов эволюции, но и восторга перед величием знаменитых ученых прошлого. Недавно в Государственном Дарвиновском музее состоялась выставка и научная конференция, которая была названа – «На плечах гигантов». Имелись в виду такие ученые, как К. Линней, Ч. Дарвин и другие знаменитые основатели научного естествознания XVIII, XIX и XX веков. Действительно так воспринимали мы – школьники – свое познавательное присутствие на лекциях А.Ф. Котса среди экспонатов музея, демонстрировавших доказательную неоспоримость дарвиновской теории и ее жизнеспособность в условиях современного прогресса естествознания.

Наблюдения за животными

Одновременно мы вели наблюдения за животными под руководством К.Ф. Левыкина. У меня сохранилась моя первая тетрадка наблюдений за поведением крыс, которые я вела на местных площадках Дарвиновского музея, где делать это было очень удобно, так как там на площадке между вторым и третьим этажами посетители музея бывали сравнительно редко, только если А.Ф. Котс вел их показывать свою знаменитую, соперничающую с фондами Британского музея в ту пору, коллекцию тропических бабочек.

Поступление в МГУ

К окончанию средней школы нам с Милой было ясно, что нужно поступать на психологическое отделение философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. И мы поступили. Правда сначала первый курс обучались вольными слушателями (не добрали 1-2 балла), но в конце концов ректор И.Г. Петровский нас зачислил, учитывая нашу настойчивость, отличные оценки по результатам экзаменов за два первых семестра и благодаря, возможно, и рекомендательным письмам из Дарвиновского музея. Вместе с тем вступительные экзамены нам пришлось сдавать дважды. Сдавая второй раз, одна из нас опять не добрала одного балла при проходных 15 баллов.

Целеустремленность и настойчивость

В отчаянии и с надеждой мы направились в Министерство, должно быть, высшего образования на Трубной площади. Нам сказали, что мы должны подать заявление-прошение о зачислении в порядке исключения, а кому – мы забыли. Побродив по второму этажу мы обнаружили на дверях табличку с именами мини-

стра и четырех его заместителей. Немного помявшись, мы решили действовать наверняка и в каждом кабинете оставили по заявлению, смысл которого сводился к тому, что нам необходимо поступить на философский факультет с тем, чтобы окончив его, со знанием дела заняться изучением происхождения и развития психики от амебы до человека. Все пятеро, к кому мы обратились, отослали наши заявления ректору МГУ И.Г. Петровскому с просьбой разобраться и принять меры. Нас срочно разыскали по вызову ректора, и мы предстали перед ним. Не очень тщательно скрывая за внешней суровостью отечески хорошего отношения к нам, И.Г. Петровский сказал: «Вот вы какие! От министра и от всех его заместителей, включая зам. министра по хозяйственным делам, я получил с их визами ваши заявления (мы подписались обе, хотя знали, что одна официально зачислена). Конечно, ваши настойчивость, дружба и желание заняться психологией похвальны. Вы зачислены моим приказом обе. Поздравляю!» Мы замерли и, бормоча слова благодарности, пятясь, вышли из кабинета. Мы были наивны и глуповаты по-детски, но в любознательности и целеустремленности нам нельзя было отказать.

Должны
интересоваться
всем

Помню еще в десятом классе мы с Милой были на лекции В.Н. Колбановского о воле. Он говорил о том, как формировать в себе волю и как суметь сосредоточиться на главном, как выбрать свой основной интерес. Мы поникли. Нам было ясно, что воли у нас нет. Написали записку – как быть, если все интересует? В.Н. Колбановский попросил подняться авторов вопроса. Мы понуро встали, и он сказал: «Очень хорошо, продолжайте в том же духе!» Было чувство полного счастья – мы можем и даже должны интересоваться всем – сам В.Н. Колбановский это подтвердил. Мы мечтали поговорить с этим прекрасным психологом обо всем подробнее. И, в конце концов, «поймали» его на главной лестнице МГУ на Моховой и были счастливы. Он долго нас убеждал, что мы все делаем правильно и нам действительно нужно изучать развитие психики, мышление у животных и человека и, конечно, поступать в МГУ. И вот мы студентки.

Многое делали
вместе

Я пишу «мы», потому что действительно мы много делали вместе. Это удивительно, но мы практически никогда не говорили между собой ни о чем, кроме наших студенческих и вскоре научных дел. Безусловно, жизнь каждой из нас была полна и собственным содержанием: и другими подругами и друзьями, увлечениями и разнообразными личными событиями. Одно толь-

Научное
студенческое
общество

ко хочу подчеркнуть, что мы поддерживали дружеские и деловые научные отношения всю жизнь, приходя друг другу на помощь, когда это бывало нужно, а ряд проблем, например проблему развивающей предметной среды, мы решаем вместе.

В моей университетской жизни большое место, начиная со второго курса, заняло научное студенческое общество. Во главе этого общества стоял замечательный Александр Романович Лурия – любимец студентов. Из числа студентов было много искренне преданных НСО, но среди всех выделялась Дина Туровская (ныне известный ученый, председатель Московского отделения Всероссийского общества психологов Диана Борисовна Богоявленская), обратившая на меня внимание, записывавшая меня в 1952 году в НСО, ставшая также одной из немногих пожизненных моих подруг – личных и «по проблеме».

Раздвоенность
вектора интересов

В Университете моя жизнь приобретала некоторое раздвоение вектора интересов: по «линии НСО» я, так же как Мила Чайнова, продолжала изучать поведение животных, а по академическому плану стала писать (как и Мила) курсовые работы сначала на втором курсе у Екатерины Васильевны Шороховой о сигнальных системах животных и человека, а начиная с третьего курса, у Евгения Николаевича Соколова, специализируясь на ориентировочном рефлексе человека (слуховой и зрительный анализаторы). Мы были одновременно вдумчивыми и достаточно легкомысленно-наивными студентками, иногда огорчавшими своего учителя, но в целом он, как мне кажется, был нами скорее доволен. Во всяком случае не без приключений мы с Л.Д. Чайновой получили свои отличные оценки за дипломные работы.

Для нее эта работа определила дальнейшее направление исследований. Ее кандидатская диссертация, посвященная изучению нервной модели стимула, и последующая работа, увенчанная докторской степенью, в области подготовки космонавтов и эргономики, в частности эргономики развития, составили ее научный успех и широко известное имя в инженерной психологии и смежных областях, таких как психология развития, дизайн, психология искусства и др.

Школа
Е.Н. Соколова

Для меня школа Е.Н. Соколова была утверждением объективных психологических методик, теснейшим образом связавшим в моем сознании разные уровни ориентировки в эволюции деятельности и генетический метод, происхождение которого у нас справедливо связывают с именем Л. С. Выготского, который, не-

сомненно, синтезировал в предмете психологии то, что в естествознании и философии принято изучать как филогенез, историческое развитие и онтогенез психологических функций. Я никогда не забуду и очень важную мысль, которую высказал Е.Н. Соколов, рассуждая о причинности в связи с анализом полученных мною весьма спорных данных, кажется, еще на четвертом курсе. Евгений Николаевич подчеркнул, что исследователь не имеет права двигаться дальше, если в ходе анализа он обнаруживал артефакт или возможность другой интерпретации или даже если чувствует, что возникает другая линия исследования, первоначально не запланированная, но не менее важная, вытекающая из уже полученных фактов или зашедшего в тупик уже начатого анализа. Нужно исследовать возникающий феномен, отбрасывать его нельзя, иначе дальнейший путь может оказаться без достаточных фактических или теоретических оснований.

Лаборатория
профессора
С.Н. Брайнеса

Свою трудовую деятельность я начала младшим научным сотрудником в экспериментальной лаборатории при Институте психиатрии МЗ СССР. В конце 1950-х – начале 1960-х годов XX века лаборатория в Институте психиатрии МЗ СССР, которой руководил С.Н. Брайнес, была интересна многим. Здесь изучались в экспериментах с обезьянами и собаками, а также на классическом материале подступы к новым научным направлениям: экспериментальный сон, воздействие малых доз алкоголя на умственную работоспособность (опыты ставились на макаках-резусах), различные аспекты геронтологии (на старых и сверхстарых собаках), развития интеллекта и орудийной деятельности человекообразных обезьян, теоретические и экспериментальные исследования в области создания искусственного интеллекта и многие другие, не менее важные и интересные вопросы.

В лаборатории С.Н. Брайнеса вели свои исследования сотрудники кафедры высшей нервной деятельности факультета биологии МГУ, работавшей в те годы под руководством Л.Г. Воронина, – А. Напалков, К. Иорданис и их студенты-дипломники. Здесь были Г.Ф. Хрустовым проведены эксперименты с шимпанзе Султаном по изучению процесса выделывания шимпанзе орудия, описанные им впоследствии в книге «Критерий человека» (1994). Эксперименты показали, что пределом возможностей шимпанзе является выделывание орудия при помощи собственных рук и зубов, шимпанзе был не в состоянии обработать сверхтвердый деревянный диск с помощью камня и рубила, подобного шелльскому.

Эксперименты с шимпанзе

В лаборатории с шимпанзе Султаном проводила свои первые опыты В.С. Мухина, изучая способность обезьян к «рисунку».

С теми же обезьянами сначала я, а затем вместе со мной Д.Б. Богоявленская, вели эксперимент с шимпанзе по методике Г. Ревеша. Суть методики, которую использовал до нас в работе с детьми А.Р. Лурия, состояла в том, что обезьяне предъявлялась приманка последовательно в каждом из ящичков (от первого до восьмого), соединенных в одну линию и повернутых к обезьяне крышками, которые она легко могла открыть. Приманка вкладывалась с другой стороны незаметно для обезьяны. Найти ее можно было, приоткрыв крышку того или иного ящичка. При этом для успешного решения обезьяна должна была практически обнаружить закономерность – приманка всегда в следующем ящичке по отношению к тому, в котором она была перед этим. Эксперименты обнаружили, что у шимпанзе в результате длительных предъявлений ситуации обнаруживается правильная векторальная направленность поиска, но безошибочного выбора шимпанзе не достиг.

Любопытно, что Султан единственный раз верно учел всю последовательность выбора нужного ящичка с приманкой лишь в момент, когда я продемонстрировала опыт Яну Дембовскому. Удивительное совпадение или особая «приподнятость духа», передавшаяся от нас всех к шимпанзе, как с юмором охарактеризовал успех Султана знаменитый психолог.

Проблема искусственного интеллекта

Поистине событием для всей лаборатории было ее посещение в начале 1960-х годов отцом кибернетики Норбертом Винером. В эту пору проблема искусственного интеллекта занимала С.Н. Брайнеса и всех нас, его сотрудников. Для меня большая честь, что на моих опытах с Султаном однажды присутствовал этот великий ученый. Много лет спустя мне довелось вернуться к проблеме искусственного интеллекта: сначала на семинарах А.А. Ляпунова в МГУ, в котором я участвовала по совету А.Н. Леонтьева, а позднее, в 1980–1990-е годы, в АПН СССР, руководя комплексными междисциплинарными исследованиями, направленными на создание компьютерных игровых программ открытого типа для дошкольников.

Благодарность мужу

В 1963 году я вышла замуж за Сергея Александровича Пицальникова. Благодаря его любви, пониманию и поддержке вновь встала на ноги. В этом году (2003) мы отметили 40-летие нашего союза. Я благодарна своему мужу – он, благодаря своему собственному обая-

нию, смог мне заменить дедушку (я вспоминаю здесь Зигмунда Фрейда) тем, что всегда верил в меня и поддерживал мои научные устремления. Сам он специалист (кандидат наук) в области библиотекovedения и информатики – широко образованный человек, но, главное, добрый.

На этом рукопись обрывается...

ИНТЕРВЬЮ С МИГЕЛЕМ САНТАМАРИЯ ДАВИЛА (Перевод с испанского Мигеля Паласио и Юлии Романовой)

Мигель Сантамария Давила – выдающийся государственный, политический и общественный деятель Колумбии, дипломат, ученый, педагог. С января 2003 года и по настоящее время – Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Колумбия в Российской Федерации.

Родился 11 марта 1933 года в колумбийской столице – городе Боготе. Начальное и среднее образование получил в католическом Институте дель Кармен. Окончил экономический факультет Национального университета Колумбии. Продолжил образование в нью-йоркском Университете Фордхем по специальности «административное управление» и в Экономическом Комитете для Латинской Америки (СЕПАЛ), где изучал экономическое развитие. Доктор экономических наук, профессор.

Доктор М. Сантамария работал и добился больших успехов в самых различных областях. Как политик и государственный чиновник был генеральным секретарем Министерства финансов Колумбии, секретарем правительства Специального округа Боготы, исполняющим обязанности президента Народного банка, членом Палаты представителей Национального Конгресса, членом Комиссии советников по иностранным делам, губернатором департамента Кундинамарка, Сенатором Республики, полномочным представителем в Национальном учредительном собрании. В качестве администратора и организатора науки и профессиональной деятельности занимал должности декана экономического факультета Национального университета, управляющего Колумбийской федерацией животноводов «ФЕДЕГАН», прези-